
В. Ю. ДАРЕНСКИЙ

УКРАИНА КАК «МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА» (ответ оппоненту)

Дискутируя с оппонентом, автор обсуждает ряд важных понятий культурной антропологии и политической теории. В частности, он приводит числовые выкладки, доказывающие, что разговоры о геноциде этнических украинцев со стороны советской власти сильно преувеличены.

Ключевые слова: этнос, мегаэтнос, конфликт, историцизм, геноцид, депортация.

Комментарии В. В. Вифлянцева, на мой взгляд, отображают характерные стереотипы мышления граждан Украины, в том числе большинства профессиональных гуманитариев. Именно эти стереотипы служат мощным фактором ментального конфликта, о котором идет речь в моей статье и который, безусловно, является одной из глубинных причин бурных событий на юго-востоке Украины. Я вижу ценность работы В. В. Вифлянцева в том, что автору удалось максимально дистанцироваться от разного рода идеологических контекстов (что в современной Украине сделать очень трудно) и сформулировать свои тезисы в рамках научного дискурса. Далее я выделю те тезисы оппонента, которые непосредственно касаются темы и проблематики моей статьи, и последовательно отвечу на них.

1. «...Перекраивание границ союзных республик, очевидно, не полностью обеспечивало удобство управления страной, поэтому значительно чаще использовались методы депортаций и принудительного переселения жителей определенных мест по социальному, этническому и конфессиональному признакам».

Ответ. «Депортации и принудительные переселения жителей» имели экстраординарный характер, обусловленный войной, и охватывали менее 1 % населения СССР. Поэтому они не могут считаться основой национальной политики СССР – вопреки мифу, который создается по этому поводу официальной пропагандой Украины и стран Прибалтики. Основой национальной политики СССР всегда была так называемая *коренизация*, т. е. создание национальных административных единиц, национальных кадров во всех сфе-

рах жизни и поддержка национальных культур. Эта политика была уникальной в XX веке, когда в Европе, наоборот, происходила усиленная ассимиляция местных этносов. На фоне советской «украинизации» немыслимо представить себе, например, «бретонизацию» во Франции, «уэльсизацию» в Великобритании или «баскизацию» в Испании.

2. «Непонятно утверждение... о том, что различие отдельных регионов Украины обязательно определяет некий ментальный конфликт. Более справедливой представляется мысль, согласно которой власть вполне способна (и должна!) предотвращать возникновение общественных конфликтов на государственном уровне, осуществляя соответствующую национальную и социальную политику».

Ответ. Действительно, государственная власть должна предотвращать общественные конфликты (в теории), но на практике часто бывает наоборот. В Украине государственная власть своей идеологической политикой спровоцировала и углубила региональный раскол страны.

3. «Не правильнее ли было бы, с такой точки зрения, проанализировать конкретные действия или бездействие украинской власти относительно национального и конфессионального вопросов?».

Ответ. Такой анализ проводился и проводится многими авторами, но он не входил в задачи моей статьи.

4. Оппонент разделяет «мысль К. Поппера о том, что методология историцизма с большим успехом может быть использована для обоснования определенной идеологии, нежели для подлинного научного анализа».

Ответ. «Историцизм» – это не какая-то определенная методология, но просто принцип, в соответствии с которым в истории следует искать как минимум четкие причинно-следственные связи и как максимум – общие законы исторических процессов и даже цель исторического процесса (телеологию). В своей статье я ограничился лишь уровнем причинно-следственных связей, без поиска которых научный анализ как таковой невозможен в принципе. Борьба с «историцизмом», инициированная Поппером, сама является откровенно идеологической установкой, по отношению к которой ее методологический смысл уже вторичен. Суть этой установки – слом исторических традиций, создание посттрадиционного, «открытого» общества. Наличие в истории причинно-следственных связей не означает, что в ней нет спонтанности и новизны. В частности, украинская национальная идентичность является

инновацией XX века, хотя ее распространение и имело вполне конкретные причины.

5. «...Что такое “мегаэтнос”? Почему новороссы – это мегаэтнос? Согласно концепции Л. Н. Гумилева, новороссов следовало бы отнести к субэтническому образованию... Гумилев обозначает термином “суперэтнос” надэтнические образования, точнее, группу этносов, возникших в одно время в определенном регионе... Понятие же “мегаэтнос” у Гумилева мы не встречаем. Непроясненность данного понятия вполне может привести к потере его содержательной сути...»

Ответ. Понятие «мегаэтнос», действительно, в литературе ранее не встречалось и введено мною сознательно для обозначения особого исторического феномена, который невозможно четко зафиксировать с помощью уже имеющихся понятий. Общность «новороссов» нельзя назвать «субэтническим образованием», поскольку у них нет одного «родового» этноса, по отношению к которому они были бы субэтносом. Новороссы принципиально полиэтничны. Их общая характеристика, напомним, сугубо качественная – это люди модерна (город), потомки переселенцев, носители русского языка и общего цивилизационного, а не этнического самосознания. Но суперэтносом они тоже не являются по той же самой причине: среди них нет уже реальных отличий тех этносов, к которым относились их предки. Новороссы Донбасса, Крыма, северного Казахстана, Дальнего Востока и основная масса населения российских мегаполисов и Киева – все они русскоязычные горожане лишь в первом-втором, максимум в третьем поколении – по своим ментальным и социокультурным стереотипам реально составляют единую мегаэтническую общность, хотя и имеют разнообразных предков и разное гражданство.

6. «Что собой представляют “общерусский язык” или “общерусская православно-патриотическая организация”? Чем “общерусский язык” отличается от языка русского?.. перенесение понятия “общерусский” на язык и отдельные общественные структуры требует серьезного обоснования, которое в статье отсутствует».

Ответ. Термин «общерусский язык» встречается в литературе в тех случаях, когда следует особо акцентировать, что русский литературный язык – это язык не одних великороссов («россиян») как этноса, но язык общей культуры многих этносов, в том числе и малороссов, ныне называемых украинцами, белорусов и представителей любых других этносов бывшего СССР, которые являются носителями русского языка и воспринимают русскую культуру

и язык как свои, родные. Тем самым этот термин употребляется контекстуально во избежание подмены понятий, которое происходит тогда, когда термин «русский» трактуется сугубо этнически.

7. «В своих произведениях Тарас Шевченко не употреблял слово “украинец”? Да, не употреблял. Давайте посмотрим, какие этнонимы он употреблял. Слово “поляк” встречается четыре раза, слово “руський” – два раза, слово “москаль” – шестьдесят три раза, слово “немец” – десять раз, слова “француз”, “венгр”, “новоросс” и “итальянец” не встречаются, как и слово “украинец”... во всяком случае, неправомерно делать вывод о несуществовании украинского этноса в XIX веке на том основании, что один из его ярчайших представителей в своих произведениях не употреблял слово “украинец”».

Ответ. Я не делаю вывода о «несуществовании украинского этноса в XIX веке», но говорю об отсутствии в этот период *украинской национальной идентичности*. Южнорусский («малороссийский») этнос, по данным из истории языка и материальной культуры, уже вполне сформировался к XVI–XVII векам. Главными факторами его формирования стали ассимиляция на землях южной Руси большой массы степных кочевых народов, начавшаяся еще в древнерусский период и повлиявшая на антропологический тип и материальную культуру (в частности, национальную одежду); и особенно – польское влияние на язык (более 600 чистых полонизмов в украинском языке) и ментальность (ярко выраженный индивидуализм). Но, несмотря на это, по своим объективным характеристикам вплоть до начала XX века этот этнос оставался органической частью русской нации (или российского суперэтноса). Формирование в XX веке особой «украинской» национальной идентичности стало результатом пропаганды соответствующей идеологии и политических процессов. Решающее значение в этом процессе имела именно советская государственная «украинизация». По большому счету, современная Украина – это один из результатов «советского проекта». Без него национальное движение на территории Западной Украины в составе Польши было бы ликвидировано путем жесткой ассимиляции, как это и произошло с остатками украинцев в Польше после Второй мировой войны.

8. «Сегодня существует великое множество заслуживающих доверия исследований, в которых убедительно излагается история о присвоении Московским государством имени соседней территории – Руси, с небольшим изменением – Россия. В то же время в этих работах представлены веские аргументы в пользу как древности топонима “Украина”, так и принадлежности этнонима “рус”

предкам современных украинцев». Профессор И. Огиенко: «Нет оснований называть наше древнее государство исключительно Русью, а язык наш только русским, в то время как уже тогда было и другое имя, Украина, которое позже возобладало над другими. Например, россияне пишут в своих научных трудах: “Русская история”, или “История России”, вовсе отвергая то, что аж до Петра I их государство называлось Московией».

Ответ. В этом возражении оппонента содержится сразу три весьма характерных псевдоисторических мифа, которые ныне внушаются населению Украины начиная со школьной скамьи. Первый миф – о «присвоении Московским государством имени соседней территории – Руси». Никакой нужды в таком «присвоении» не было. Население Московской Руси называло себя Русью всегда, даже еще раньше, чем Киев, поскольку русская государственность возникла сначала на севере, в Новгороде, и только потом ее центр временно переместился на юг, в Киев. Если посмотреть на карту Древней Руси (которую еще некорректно называют «Киевской»), то видно, что изначально как минимум половина ее территории находилась на территории современной Российской Федерации, а на территории нынешней Украины – лишь четверть или даже меньше. Даже чисто территориально основным наследником Древней Руси является именно современная Россия. То же самое – в культурном и в этническом отношении. Древнейшие былины «киевского цикла» сохранились только в северной Руси, у поморов. На Украине самые старые казацкие «думы» восходят лишь к XVI веку. Древнерусский язык больше всего похож по своей структуре, фонетике и лексическому составу именно на современный русский, а не на украинский и белорусский, поскольку последние сформировались позже под сильным польским влиянием. Если южнорусский этнос сформировался к XVI–XVII векам, то великороссы – это тот же самый этнос, который жил и в Древней Руси, никаких особых процессов этногенеза в нем с тех пор не наблюдалось.

Миф о якобы «присвоении Москвой имени Руси» очень характерен для украинского идеологического мышления. Во-первых, он изначально рассчитан на историческое невежество людей. Во-вторых, он представляет собой то, что в спецслужбах называют «операцией прикрытия», а именно – он призван замаскировать, «прикрыть» тот неприглядный факт, что украинская национальная идентичность основана на сознательном отказе от исконного самоназвания народа – Русь и «руськие».

Этой же «операции прикрытия» служит и следующий миф – о якобы древности топонима «Украина». В древнерусском языке действительно существовало слово «оукраина» (писалось с диграфом), но оно не имело по своему смыслу никакого отношения к современному топониму «Украина», т. е. не обозначало никакой особой национальной территории. Слово «оукраина», встречающееся в летописях с XII века, имело чисто технический смысл – это приграничная территория, на которой располагались военные заставы. И термин «оукраина» применялся отнюдь не только к землям Переяславского княжества, граничившего со степью южнее Киева. Земли нынешней Москвы тогда же назывались «оукраина залеская» (имелись в виду брянские леса, через которые туда нужно было добираться из Киева). А земли нынешнего Петербурга тогда назывались «невской оукраиной». Позже в период освоения Сибири была даже «амурская оукраина». Но особенно «скандальный» для современной украинской идеологии факт состоит в том, что это слово вообще исчезает в источниках южной Руси в период ее нахождения в составе Речи Посполитой. А «Украиной» как особой территорией земли нынешней Украины впервые назвали именно московские дьяки Малороссийского приказа – просто потому, что на тот момент актуальной осталась одна-единственная «малороссийская оукраина», и она получила этот термин уже в качестве имени собственного как своего особого исторического названия, которое потом закрепилось в художественной литературе. Так что не войди Малая Русь в состав Московского государства в XVII веке, не называться бы ей «Украиной» никогда! Даже и слова такого не было бы в местном языке – оно ведь было заимствовано у «москалей».

Знали ли об этом факте Г. Пивторак и И. Огиенко, на которых ссылается мой оппонент, мне неизвестно, но мне хорошо известно, что оба эти автора были «профессиональными идеологами» и к реальной науке имеют, мягко говоря, весьма условное отношение. Свои громкие звания, как это нередко случается с современными украинскими деятелями, они получили отнюдь не за научные достижения, а за пропаганду «национальной идеи».

Наконец, третий миф, приведенный в цитате из Огиенко, о том, что «аж до Петра I их государство называлось Московией», также рассчитан на наивность читателей. (А слово «аж» стоило бы перевести как «вплоть»). Слово «Московия» – это калька с латинского *Moskovia*, которое применялось лишь в Европе в дипломатических документах. Сами русские, как и их соседи, называли свою страну сначала Русью, а с XVI века – Россией (это слово возникло в грече-

ском варианте – в посланиях на Русь восточных православных патриархов, а затем распространилось в народе через церковные проповеди). А слова *Moskovia* никто из них и не слышал.

9. «...Вопрос о носителе “великой цивилизационной традиции” автор решает однозначно в пользу империи. Почему империя может быть таким носителем, а национальное государство – нет? В чем, собственно, состоит величие России в сравнении с Украиной в цивилизационном плане?».

Ответ. Великие цивилизационные традиции, действительно, никогда не создаются отдельными национальными государствами – только либо империями (начиная с Древнего Египта, Китая и Рима), либо большим конгломератом национальных государств (например, Западной Европы). Что касается Украины, совершенно очевидно из огромной массы фактов истории культуры, что все без исключения значительные деятели украинской культуры формировались и творили в рамках общерусской культуры. Большинство из них при этом вообще никак не проявляли свое этническое происхождение и осознавали себя просто русскими «с малороссийскими корнями». Даже Тарас Шевченко пытался войти в общий поток русской литературы, писал повести на русском языке, но они ни на кого не произвели особого впечатления. Фактически единственными исключениями были И. Франко и оперная певица С. Крушельницкая, которые сформировались в рамках австрийской культуры – опять-таки в рамках большой имперской традиции, а отнюдь не своей особой этнической культуры. Украиноязычная культура XIX–XX веков также развивалась как часть сначала общерусской, а затем советской как ее локальный этнический вариант. Без этого большого цивилизационного пространства, созданного Россией для более чем ста этносов, развитие их национальных культур было бы невозможным. Без вхождения в это пространство развития, созданное государством Российским, подавляющее большинство из них, в том числе и украинцев, без сомнения, ждала бы судьба американских индейцев.

Вопрос о том, «в чем, собственно, состоит величие России в цивилизационном плане», сам по себе является очень странным. Если создание самой большой в мире страны и одной из самых великих культур в мировой истории (а также отражение трех самых страшных в мировой истории нашествий – монголо-татарского, наполеоновского и гитлеровского) не является «величием», то что тогда оппонент понимает под этим словом, задавая такой вопрос? Но особенно важно для нашей темы то, что во всем этом величии не-

отъемлема и доля предков современных украинцев. Доля, от которой современная украинская идеология и пропаганда заставляет их отказаться, стать теми «манкуртами», о которых писал Ч. Айтматов.

10. «...Стержень украинской, как и любой другой национальной идеи, состоит в признании на индивидуальном и групповом уровнях своего этнического (а значит, и ментального) отличия от соседних наций. Любой человек, обладающий национальным самосознанием, способен однозначно себя идентифицировать в плане этнической принадлежности». И еще: «...национальное государство призвано отстаивать национальные интересы, империя – Идею».

Ответ. Из последнего тезиса оппонента следует, что поскольку идеи отстаиваются только империями, то никакой «национальной идеи» быть в принципе не может, национальные государства заняты исключительно приземленными интересами. Однако в реальности империи тоже заняты отнюдь не пропагандой идей, а теми же самыми интересами. Строго говоря, «национальная идея» – это специфически русский феномен, возникший в контексте спора «славянофилов» с «западниками» и впервые концептуально оформленный В. С. Соловьевым. Нет больше ни одной нации в мире, которая бы формулировала свою особую «идею». (Например, американцы когда-то сформулировали вовсе не идею, а «мечту», но уже давно сами признали ее утопией.) Тот факт, что украинцы, конструируя свою идентичность, озабочены «национальной идеей», которая всегда сводится к «независимости» и «вхождению в Европу» как самоцели («идолу») и к яростной русофобии как своему исходному мотиву, свидетельствует лишь о наличии у них комплекса зависимости от русской культуры: если у «москалей» есть «национальная идея», значит, нужно придумать свою. Но если своя «идея» состоит лишь «в признании на индивидуальном и групповом уровнях своего этнического (а значит, и ментального) отличия от соседних наций», то результат выходит весьма комичный, поскольку в этом никакой «идеи» вообще нет, а есть лишь простая констатация факта, свойственного всем этносам без исключения.

Не могу оставить без ответа и ряд частных замечаний. Так, оппонент утверждает, что якобы «у современного населения Западной Украины еще слишком свежа память о геноциде, которому они подверглись в сталинское время». Данное утверждение является очень характерным примером той псевдоисторической мифологии, которой ныне стараются подменить в Украине подлинное историческое сознание. В реальности «геноцида» в Западной Украине со стороны СССР никогда не было. Там не было даже и голода 1932–

1933 и 1947 годов, как на Большой Украине – хотя и эти два голода тоже не были геноцидами, как ныне вещает официальная украинская пропаганда, но имели объективные причины, о которых сейчас нет возможности сказать подробнее. Под «геноцидом» в Западной Украине официальная украинская пропаганда обычно имеет в виду «репрессии НКВД».

Можно ли эти репрессии назвать геноцидом? По уточненным данным, с сентября 1939 по июнь 1941 года на присоединенных к СССР территориях Западной Украины за «антисоветскую деятельность» и просто уголовные преступления НКВД в общей сложности были арестованы 92 тыс. человек, причем к тюремным срокам была приговорена только примерно половина, а другая половина после проведения следственных действий либо просто освобождена, либо отправлена на другое место жительства. Из общего числа всех арестованных было 19 982 человек украинцев, 21 449 поляков, 12 695 евреев, остальные принадлежали к другим национальностям (Горланов, Рогинский 2004). Эти цифры говорят о том, что аресты проводились по классовому, а не национальному принципу. Арестовывались буржуазия, чиновники, землевладельцы и офицеры. А поскольку среди этих категорий украинцев было мало, то их и оказалось всего чуть более 1/5 от всех арестованных. В тогдашних условиях так же поступила бы любая другая страна, борясь с антигосударственными элементами и явными уголовниками. Ничего специфически «НКВД-шного» в этом не было. А около 10 тыс. украинцев в тюрьмах для почти пятимиллионного населения Западной Украины – это примерно столько же, сколько их пребывало в тюрьмах Речи Посполитой до 1939 года. Поэтому в данном случае нет оснований говорить не то что о геноциде, но и каком-то особо высоком уровне репрессивности по сравнению с предшествующим периодом досоветской истории. Характерный факт: отца С. Бандеры НКВД арестовал лишь за месяц до начала войны, когда стало достоверно известно о его связях с ОУН, а до этого его не трогали, хотя в НКВД отлично знали, чем занимается его сын.

«Репрессиями» называют расстрел около 2 тыс. заключенных при отступлении Красной армии в 1941 году (Солонин 2009). Но и это общемировая практика военного времени: например, французы при отступлении в 1914 году срочно расстреляли около 8 тыс. заключенных на оставляемых территориях (Агеев, Вержховский 1975: 112). Когда нет средств даже для эвакуации мирного населения, а заключенные готовы перейти на сторону врага, в военное время так делали все страны. Для сравнения следует также вспом-

нить, что ворвавшиеся во Львов вместе с вермахтом украинские националисты за несколько дней убили более 6 тыс. мирных граждан (в основном евреев, а также «сочувствующих советам») (Гогун 2004: 45) – как говорится, «почувствуйте разницу».

В XX веке геноцид в Западной Украине действительно был, но вовсе не со стороны СССР. Первый геноцид устроили в 1915 году русинам Галиции, сочувствовавшим России, австро-венгры при активной помощи тогдашних «идейных украинцев». В концлагерях Терезин и Талергоф погибли около 30 тыс. русинов (Ваврик 2001: 144), причем это были первые в XX веке концлагеря. Затем около 30 тыс. мирного населения погибли от террора украинских националистов в годы Великой Отечественной войны и после нее. Ныне эти репрессии официальная украинская пропаганда также приписывает НКВД. Как фабрикуется эта ложь, хорошо описано в работе В. П. Беляева (2008). Кроме того, украинские националисты устроили еще более массовый геноцид поляков, которых погибло от их рук не менее 120 тыс. (данные расходятся) (Piotrowski 2000: 299).

На самом деле в составе СССР Западная Украина существовала в «тепличных», даже привилегированных условиях. Здесь впервые за счет огромных инвестиций СССР были созданы промышленность, развитое сельское хозяйство, система образования и культуры. Города впервые были заселены украинцами (до 1939 года они были польско-еврейскими по составу населения). В одном Львове, который лишь в 1947 году впервые в своей истории стал «украинским городом», в советское время было построено более 300 предприятий (ныне осталось менее 1/10 из них). Никакой «русификации» здесь никогда не было – образование и вся документация в советское время велись на украинском языке.

Казалось бы, население должно быть за это благодарно СССР, но ныне мы наблюдаем прямо противоположную картину. Действительно, простой «историцизм» здесь не работает. В историю врывается новый фактор, разрывающий нормальные причинно-следственные связи, и вместо благодарности мы видим ненависть. Она является результатом, во-первых, целенаправленного разрушения исторической памяти, которое ведется с конца 1980-х годов, и, во-вторых, особого «экзистенциального» фактора, который состоит в переживании острого «комплекса неполноценности» перед всем русским – русским государством, культурой, даже русским национальным характером (который непонятен и крайне неприятен «подлинным украинцам»). Этот комплекс ярко наблюдается в непосредственном общении, но на него наложено табу в украинской идеологии и задействована особая «операция прикрытия». Суть ее

состоит в демонизации всего русского и российского, в навязчивом насаждении русофобских мифов в массовом сознании через систему образования и СМИ. Среди «идейных украинцев» очень популярна книга П. Штепы «Московство», в которой собраны и доведены до крайней степени лживости и злобы все эти мифы. (Книга была изъята из украинской библиотеки в Москве и по поводу нее и ряда ей подобных было заведено уголовное дело по статье «разжигание межнациональной розни».) В современных украинских СМИ даже в период правления В. Януковича практически отсутствовала какая-либо позитивная информация о России. Характерный пример: ни один украинский телеканал не сообщил о том, что Россия завоевала больше всех медалей на Олимпиаде в Сочи. Зато накануне Олимпиады эти телеканалы многократно вещали о том, сколько якобы украдено денег на строительстве олимпийских объектов.

Оппонент пишет: «...зафиксированные В. Ю. Даренским отличия между населением разных регионов Украины, которые проявляются в разных стереотипах поведения, безусловно существенны и заслуживают пристального внимания и научного анализа. Вместе с тем я глубоко убежден, что подобные различия могут вызывать какие-либо конфликты, в том числе ментальные, только вследствие некорректной государственной политики или под сильным внешним влиянием».

Я согласен, что указанные ментальные конфликты возникают вследствие «некорректной государственной политики» и «сильного внешнего влияния». Но «некорректная государственная политика» отнюдь не является случайностью или результатом наивной ошибки. Наоборот, она является сознательной и целенаправленной – политикой уничтожения подлинной исторической памяти и навязывания людям чуждой им идентичности. Результат этой политики мы увидели воочию весной 2014 года в виде восстания Юго-Востока, а результат «сильного внешнего влияния» со стороны Запада – чуть ранее, в феврале 2014 года в виде вооруженного государственного переворота в Киеве.

Оппонент также упоминает, что в отличие от других славянских народов русские обозначают себя в форме притяжательного прилагательного, а не субстантива. Такое самоназвание народа объясняется историческим способом его формирования. В самый ранний период формирования древнерусской государственности ее социальной и военной основой, «костяком» была дружина варягов, именовавших себя «русами». И те племена, которые присоединялись к создаваемой ими государственности, именовались притяжательным прилагательным – «русские». Не все присоединялись сра-

зу – например, племя вятичей, живших на территории нынешней Москвы, упорно сопротивлялось и было присоединено лишь князем Владимиром Крестителем. Поскольку государственность, первоначально созданная с помощью русов на севере, вокруг Новгорода, затем своим центром была перенесена на юг, в Киев, то некоторое время «Русью» в узком смысле слова называлась именно «киевская земля» (тем самым это обстоятельство нисколько не опровергает, но наоборот, явно подтверждает «норманнское» происхождение названия «Русь»).

Точно так же термин «русские» как притяжательное прилагательное оказывался очень естественным и удобным для самоназвания этносов, входивших в состав многонациональной Руси и России на протяжении всей ее истории – начиная еще с летописной «чюди» (финно-угорских племен северной Руси). Именно такое самоназвание позволяло им совмещать свое особое этническое имя с новой общерусской идентичностью. Эта закономерность не только в полной мере действует и в наше время, но и резко актуализировалась в нынешней ситуации реинтеграции русской нации (именно она срабатывает, когда мы слышим фразы: «я татарин, но я русский»; «я украинец, но я русский» и т. д.).

Каждый из вопросов, затронутых моим уважаемым оппонентом, мог бы стать предметом отдельного исследования. Надеюсь, что эта дискуссия пробудит интерес к рассмотренной здесь проблематике.

Литература

Агеев, А. М., Вержховский, Д. В. 1975. *История Первой Мировой войны 1914–1918 гг.*: в 2 т. Т. I. М.: Наука.

Беляев, В. П. 2008. Участие населения западных областей Украины в разгроме бандеровщины. В: Козлов, Ю. К., *Бандеризация Украины – главная угроза для России*. М.: Яуза-Пресс, с. 236–245.

Ваврик, В. Р. 2001. *Терезин и Талергоф. К 50-летней годовщине трагедии Галицко-Русского народа*. М.: Московское общество друзей Карпатской Руси.

Гогун, А. 2004. *Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы*. СПб.: Нева.

Горланов, О. А., Рогинский, А. Б. 2004. Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. URL: http://www.memo.ru/history/polacy/gorrog_c.htm.

Солонин, М. С. 2009. *22 июня. Анатомия катастрофы*. М.: Эксмо.

Piotrowski, T. (ed.) 2000. *Genocide and Rescue in Wolyń: Recollections of the Ukrainian Nationalist Ethnic Cleansing Campaign Against the Poles during World War II*. Jefferson: McFarland & Company.